

С.В. Шарапова¹, Д.И. Ражев²

¹Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия
E-mail: svetlanasharapova@rambler.ru

²Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия
E-mail: rajevd0@gmail.com

БИОАРХЕОЛОГИЯ ЧЕРЕПНЫХ ТРАВМ САРГАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ*

В статье, основанной на материалах археологических памятников саргатской общности, анализируются травмы черепа. Опираясь на данные погребального инвентаря, в котором присутствует заметная доля предметов вооружения, по аналогии с кочевым миром исследователи неоднократно отмечали ярко выраженный воинский характер захоронений, на основе чего и были предложены различные реконструкции. Однако в ходе антропологического анализа 173 черепов (мужских и женских) было выявлено всего 9 экз. со следами поражений (из них только пять отнесены к разряду боевых, т.е. были нанесены с применением оружия); еще два черепа с проникающими ранениями обнаружены по архивным данным. На основании этого, а также контекстуального анализа погребений и с учетом материалов могильников других культурных образований эпохи железа можно предположить, что военные столкновения имели место в саргатском мире, но они не были постоянными, а наблюдаемое «изобилие» предметов вооружения в захоронениях, вероятнее всего, маркирует статус погребенных.

Ключевые слова: *ранний железный век, саргатская общность, биоархеология, травмы черепа, культурная идентичность.*

Введение

Анализируя древности саргатской культуры, исследователи неоднократно отмечали ярко выраженный воинский характер захоронений и военизированность быта группы населения, погребенной под курганами**. Заметная распространенность предметов вооружения и доспеха в сопроводительном инвентаре как мужских, так и женских погребений дала основа-

*Статья подготовлена в рамках интеграционной программы УрО – СО РАН «Культурная вариативность на археологических памятниках Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа».

**Авторы придерживаются мнения о селективном принципе формирования саргатских некрополей, согласно которому все погребенные в курганах индивиды были людьми отнюдь не рядового статуса [Культура..., 1997, с. 137; Ражев, 2009, с. 60–63].

ние для предположения о некоей милитаризованности саргатского общества [Культура..., 1997, с. 155]. Выявленные на костях патологии всадников [Ражев, 1996] вкупе с наличием стрел в женских захоронениях позволили выдвинуть гипотезу о существовании в этом обществе женщин-воительниц [Матвеева, 2005, с. 164; Ражев 2009, с. 61, 63]. Некоторые современные интерпретации, подкрепленные историческими фактами, более категоричны, однако они обоснованы без привлечения данных физической антропологии. Несмотря на ряд оговорок, связанных с нахождением оружия в женских погребениях, Н.А. Берсенева также сочла возможным интерпретировать подобные комплексы как принадлежащие «воительницам (представительницам элитных кланов)» [Berseneva, 2008, p. 150]*.

*На момент написания данной статьи вышла в свет публикация, согласно которой занятия военным делом у жен-

Близкая точка зрения, выстроенная по аналогии со скотоводческими обществами Евразии, принадлежит Б. Хэнксу [Hanks, 2008]. Помимо принадлежностей конского снаряжения и распространенных образцов вооружения привлекались материалы раскопок городищ, в частности, отмечались масштабность и усложнение их фортификаций, которые могут указывать на «длительные вооруженные противостояния» [Матвеева, 2005, с. 145, 165]. Однако изучение военного дела ограничивалось анализом комплекса вооружения [Могильников, 1992; Погодин, 1998] и военной иерархией [Матвеева, 2000; Погодин, 1997]. Попытка оценить боевой травматизм была предпринята Н.П. Матвеевой. Анализируя материалы к палеодемографической характеристике саргатской общности, она привела примеры погребений, где выявлены костяки с застрявшими в них наконечниками стрел (могильник Нижний Ингал-1, кург. 1, погр. 1), и неграбленных захоронений, в которых у погребенных отсутствовали кости стопы и кистей (Стрижево-2, кург. 3, погр. 4 и 8), на основании чего предположила, что значительное число людей получало увечья и гибло от ран [Матвеева, 1999]*. Все же некоторые противоречия между палеоантропологическими данными и известной милитаризованностью саргатского населения были выявлены при определении уровня боевого травматизма по материалам могильников Тоболо-Ишимья [Ражев, Ковригин, Курто, 1999].

Несколько отступив от темы, напомним, что благодаря Геродоту нам известно о военных обычаях скифов (История, II, 67; IV, 64–66). Упоминание о сарматах как о свирепых воинах оставил Овидий (Скорбные элегии, кн. пятая, VII, 10, 15). Материалы раскопок в разных частях степной ойкумены, включая лесостепь, как будто подтверждают часто цитируемые пассажи античных авторов. Так, например, некоторые сарматские скелетные серии демонстрируют довольно вы-

---

щип были обусловлены их индивидуальными возможностями, а не принадлежностью к определенной социальной группе, что, впрочем, не меняет существа дела [Берсенева, 2011]. Более того, содержащиеся в тексте фактические неточности ставят под сомнение доводы автора и не позволяют признать их убедительными (ср.: [Там же, с. 77; Матвеева, 1994, с. 107; Ражев, 2009, с. 291]).

*Некоторые современные демографические исследования уровня смертности населения в результате вооруженных столкновений свидетельствуют о том, что в ряде случаев людские потери в ходе собственно вооруженных действий незначительны, их основная масса приходится на перебои с питанием и проблемы санитарного свойства среды гражданского населения, смертность которого достигает 90 % [Chamberlain, 2006]. Очевидно, что саргатская курганная выборка не может адекватно отражать реальные факторы смертности в частности и демографическую ситуацию в популяции в целом.

сокий процент травматических поражений, для многих зафиксированы травмы, нанесенные оружием [Перерва, 2002]. Вероятно, этими обстоятельствами и объясняется устойчивое убеждение коллег в «военственности» саргатского населения, фиксируемой преимущественно по погребенному инвентарю. Кроме того, специалистами часто отмечается внешнее сходство скотоводческих культур эпохи железа.

На наш взгляд, несмотря на неослабевающий интерес к социальным реконструкциям, наблюдается определенный недостаток публикаций, в которых представлена корреляция археологических моделей и данных антропологии, особенно неметрических остеологических признаков. В настоящей статье представлены результаты изучения черепных травм саргатского населения, анализ степени распространенности травматических повреждений в древности, а также сравнение погребального контекста с данными антропологического исследования.

Травмы и их особенности

Оформившиеся в русле палеопатологического направления биоархеологические исследования не новы, их методы направлены на реконструкцию древнего образа жизни [Zuckerman, Armelagos, 2011]. Определенные расхождения школ отмечаются на уровне методологии. Зачастую западные коллеги описывают конкретную патологию вне археологического контекста, в то время как для отечественных специалистов болезнь – это прежде всего адаптация к неким условиям жизни. Изучая различные изменения скелета, можно понять, в каких условиях они появились. Не вызывает сомнения также тот факт, что телесные модификации являются не только ценным источником для реконструкции мировоззрения древнего населения*, но и своеобразным маркером агрессивности и неблагополучия социальной среды [Бужилова, 2005, с. 197–208]. Палеопатологические данные отчетливо демонстрируют своеобразную взаимосвязь степени развития человеческих сообществ и усиления влияния антропогенных факторов социальной направленности [Там же, с. 141–146]. К экстремальным показателям активности древнего населения относятся травмы [Ражев, 2009; Jiménez-Brobeil, Souich, Oumaoui, 2009; Larsen, 1997].

В последние годы в биоархеологии активно развивается социальное направление, которое охваты-

---

*Как известно, многообразие проявлений ритуального поведения включает преднамеренную деформацию черепа, раскраску тела минеральными красителями, следы которых нередко фиксируются на костных останках, а также иные формы повреждений и членовредительства.

вает и богатую палитру проявлений насилия и конфликтов [Hollimon, 2011]. До недавнего времени преобладало мнение, что повреждения на мужских скелетах свидетельствуют о боевых столкновениях, а на женских – о набегах или бытовом насилии [Jiménez-Brobeil, Souich, Oumaoui, 2009]. Активизация гендерных исследований в археологии привела к пересмотру некоторых существовавших гипотез, травмы, полученные женщинами в отдельных популяциях, стали рассматриваться как боевые [Gender..., 2001]. Данное обстоятельство прежде всего может указывать на тот факт, что роль жертвы или агрессора культурно специфична и не всегда обусловлена биологическим полом.

Необходимо отметить, что при всей выразительности травматических повреждений их систематический учет и сравнение с другими выборками таят в себе немалые сложности. Во-первых, на элементах посткраниального скелета при камеральной обработке можно регистрировать только переломы в состоянии заживления или уже залеченные, т.к. повреждения, нанесенные незадолго до смерти, и посмертные весьма сложно отличить от разрушений костей после захоронения. Во-вторых, переломы, вылеченные давно, полностью и успешно, могут не определяться при визуальном обследовании. В этом отношении череп отличается от других элементов скелета, поскольку на нем могут быть установлены как зажившие переломы, так и травмы без следов репарации. Кроме того, согласно отечественным традициям сбора антропологического материала, именно черепа сохранялись с особой тщательностью, и их коллекции в полном (максимальном) объеме характеризуют погребальные выборки. Таким образом, анализ травм на черепах позволяет объективно оценить травматизм среди рассматриваемого населения и сравнить его с аналогичными показателями других выборок. Под переломами черепа в данной работе понимаются и проникающие ранения, и нарушения только наружной пластинки, включая сколы.

Антропологическая характеристика и реконструкции

Для камерального исследования были привлечены материалы 32 могильников, охватывающих все регионы и хронологические этапы саргатской общности. Осмотрено 173 черепа взрослых людей (109 мужских и 64 женских); из них только девять имеют следы поражений: пять мужских и четыре женских, происходящие из восьми саргатских могильников разных хронологических групп (табл. 1). Кроме того, дополнительно сведения о двух мужских черепах со следами повреждений выявлены в ходе архивной работы

(могильники Ипкульский [Корякова, 1986] и Абрамово-4 [Полосьмак, 1987]), но, поскольку эти данные не верифицированы антропологически, они не вошли в статистическую выборку, однако учтены при характеристике локальных серий; далее в тексте они упоминаются с соответствующими оговорками.

Значимость каузального разбора, столь необходимого для установления причины травмы и условий выздоровления, а также небольшая выборка позволяют рассмотреть каждый случай отдельно, сгруппировав их по характеру ранений.

1. На черепе женщины (возраст смерти 40–60 лет, Гаевский-1, кург. 3, погр. 5) имеется вдавленное округлой формы повреждение свода в левой части лобной чешуи. Возможно, это последствие удара тупым предметом.

2. Похожая вдавленная травма мозговой коробки выявлена у мужчины (возраст смерти 25–40 лет, Абатский-3, кург. 2, погр. 10, скелет 1). Повреждение было нанесено тупым предметом.

3. Из этого же погребального комплекса происходит череп женщины (возраст смерти 25–35 лет, скелет 3), у которого нижняя челюсть слева имеет следы перелома, зажившего с незначительным смещением, без признаков воспалительного процесса. Удар был значительной силы, нанесен тупым предметом снизу. На черепе фиксируется преднамеренная деформация кольцевого типа.

4. Вдавленное повреждение свода черепа выявлено у мужчины (возраст смерти 40–60 лет, Карташово-2, кург. 6, погр. 4). Данный случай демонстрирует зажившую травму, полученную в результате удара тупым предметом.

Вдавленные повреждения или компрессионные переломы на своде черепа не поддаются однозначной интерпретации. Подобные травмы могли быть нанесены самыми разнообразными твердыми предметами, включая кулак и брошенный камень. Последствия таких повреждений для пострадавшего, как правило, не особенно опасны. Судя по залеченности этих травм, их можно с определенной долей условности рассматривать как результат бытовых столкновений. Количество переломов такого рода составляет примерно половину всех выявленных повреждений как у мужчин, так и у женщин. Остальные травмы относятся к разряду боевых поражений, а точнее, проникающих ранений, нанесенных оружием. Они более информативны, чем предыдущая категория.

5. На черепе мужчины (возраст смерти 20–30 лет, Мурзинский-1, кург. 6, погр. 2, скелет 1) имеется скол поверхностной пластинки. На срезе заметны следы неровностей от удара предметом с острым лезвием, признаки заживления не выявлены (рис. 1).

6, 7. Черепа двух взрослых, мужчины (возраст смерти 22–25 лет, Богдановка-1, кург. Б, централь-

Таблица 1. Исследованные черепа в курганной выборке саргатской общности

Могильник	Количество черепов				Место хранения
	Исследованные		В том числе травмированные		
	♂	♀	♂	♀	
Абатский-1	9	–	–	–	ТГУ
Абатский-3	18	10	1	1	»
Абрамово-4	–	1	–	–	ИАЭТ
Бещаул-2	7	1	1	–	ИПОС
Бещаул-3	2	–	–	–	»
Бещаул-4	1	–	–	–	»
Богдановка-1	6	4	1	–	ТГУ
Богдановка-2	1	–	–	–	»
Богдановка-3	–	1	–	–	»
Вавилон	3	–	–	–	»
Венгерovo-1	3	1	–	–	ИАЭТ
Венгерovo-7	1	–	–	–	»
Гаевский-1	6	1	–	1	ИИиА
Гаевский-2	–	1	–	–	ИПОС
Исаковка-3	2	2	–	–	ТГУ
Исаковка-1	10	5	–	–	»
Карташево-2	4	2	1	–	»
Коконovка-1	–	1	–	–	ИПОС
Коконovка-2	4	9	–	–	ТГУ, ИПОС
Кокуйский-3	4	1	–	1	ТГУ
Красногорский-1	1	–	–	–	»
Красногорский Борок	1	–	–	–	»
Куртугуз-1	1	–	–	–	ИИиА
Марково-1	3	2	–	1	ИАЭТ
Мурзинский-1	4	1	1	–	ИИиА
Мурзинский-3	–	1	–	–	»
Прыговский-1	1	1	–	–	»
Савиновский	4	3	–	–	ТГУ
Стрижево-1	5	4	–	–	ИПОС
Стрижево-2	4	6	–	–	»
Тютринский	4	6	–	–	ТГУ
<i>Всего</i>	109	64	5	4	

ное погребение, скелет 1) и женщины (возраст смерти 30–50 лет, Кокуйский-3, кург. 3, погр. 3, скелет 1), имеют отверстия треугольной формы, предположительно проникающие ранения от стрелы. Повреждения были нанесены незадолго до смерти или вскоре после нее.

8. На черепе женщины (возраст смерти 25–40 лет, Марково-1, кург. 15, погр. 1) зафиксированы колотое и вдавленное повреждения свода мозговой коробки. Выявленная в правой части лобной чешуи депрессия

овальной формы имеет небольшое воронкообразное углубление, следы воспалительного процесса не обнаружены. Вероятно, данное повреждение является следствием зажившего колотого ранения. Еще одна травма без следов воспаления отмечена на левой теменной кости (рис. 2). Удар был нанесен тупым предметом с небольшой поверхностью или скользящим рубящим орудием.

9. На черепе мужчины (возраст смерти 30–50 лет, Бещаул-2, кург. 1, погр. 1) обнаружены пять повреждений

Рис. 1. Череп со сколом поверхностной пластинки. Могильник Мурзинский-1, кург. 6, погр. 2, скелет 1.

Рис. 2. Череп с колотым и вдавленным повреждением свода. Могильник Марково-1, кург. 15, погр. 1.

без следов заживления (рис. 3). Все разрушения перимортальные*, нанесены предметами разной формы.

Восемь диагностированных переломов наблюдались на своде черепа, лишь в одном случае зафиксирована сломанная челюсть. Все исследованные травмы могут быть отнесены к категории преднамеренных повреждений, полученных в результате агрессивных столкновений между людьми. И так, из девяти травмированных черепов саргатской коллекции пять оказались с боевыми поражениями. Только на одном из них обнаружены следы заживления, остальные травмы являются перимортальными. Для получивших их людей эти столкновения были последними.

В данную группу можно включить отмеченное Л.Н. Коряковой повреждение на черепе взрослого мужчины (Ипкульский, кург. 1, погр. 3) – отверстие ромбической формы; упоминается также, что этот индивид имел искусственную деформацию головы [1986]. Еще один случай – множественные проникающие ранения, зафиксированные на черепе мужчины (Абрамово-4, кург. 22, верхнее погребение в могильной яме 5). Они могли быть нанесены чеканом [Полосьмак, 1987, с. 22–23].

Как видно, абсолютное количество боевых ранений черепа для рассматриваемой части саргатского общества оказывается небольшим, порядка 3 %. Общие представления о технике ведения боя холодным оружием предполагают, что на голову приходится небольшое число ранений, в основном повреждения

Рис. 3. Череп со следами множественных ранений. Могильник Бецаул-2, кург. 1, погр. 1.

должны обнаруживаться на туловище. Это предположение находит палеопатологическое подтверждение. В частности, исследуя скелетные останки индейцев Центральной Калифорнии, Р. Джурмейн обнаружил 12 боевых травм, и только одна из них была на черепе [Jurmain, 1991]. Остальные приходились прежде всего на позвонки и элементы грудной клетки. Сравнительные данные по поражению разных отделов тела представлены палеоматериалами индейцев Либбен (из 94 выявленных переломов 6 % приходится на череп) и населения Нижней Нубии (из 160 зафиксированных переломов 11 % – на черепе) [Ibid.].

*К таковым относят разрушения, возникшие незадолго до или вскоре после смерти.

Таблица 2. Боевой черепной травматизм по материалам могильников раннего железного века

Могильники/культурная принадлежность	Мужские черепа		Женские черепа	
	Всего, экз	Травмированные, %	Всего, экз.	Травмированные, %
Беглицкий могильник, скифы [Батиева, 2002]	9	0	19	0
Саргатская общность	109	3	64	3
Новотроицкое-I, каменная культура [Рыкун, 1999]	49	4	42	0
Могильники Верхнего Приобья, каменная культура [Рыкун, 2007]	106	5	66	2
Гришкин Лог, тагарская культура [Рохлин, 1965]	26	7	40	0
Быстровка-2 и -3, большереченская культура [Шпакова, 2001; Шпакова, Бородовский, 1998, с. 689]*	97	8	–	–
Улангомский могильник, хунну [Мамонова, 1997; Наран, Тумэн, 1997]	63	19	–	–
Могильники Есауловского Аксая, поздние сарматы [Перерва, 2002]	29	31	9	0

*Три женских черепа со следами травм были определены в ходе антропологического анализа.

Приведенные палеопатологические данные позволяют осторожно предположить, что количество ранений, затрагивающих посткраниальный скелет, примерно в 10 раз превосходит количество боевых травм на черепе. Соответственно число поражений, полученных во время сражения и не нашедших отражения на костях, еще больше. В ходе антропологического изучения саргатской выборки боевые ранения обнаружены на трех из 109 мужских черепов и двух из 64 женских. Следовательно, можно допустить, что общее количество раненых мужчин было более 30 (свыше 28 %), женщин – ок. 20 (31 %).

Для относительной оценки уровня черепного травматизма у саргатского населения было проведено сравнение с материалами других могильников раннего железного века (табл. 2). Опираясь на полученные результаты и учитывая приведенные выше рассуждения о доле ранений в голову, рассмотренные древние коллективы по уровню боевого травматизма можно подразделить на три категории. К первой отнесены общества, в погребениях которых травмированные черепа не превышают 3 %. Боевой травматизм затрагивает очень небольшую часть таких коллективов, и очевидно, что большинство не участвовало в военных сражениях. Из рассмотренных серий сюда попадает скифское население, оставившее грунтовые могильники. Во вторую категорию объединены коллективы, в чьих погребениях травмированные черепа, как преимущественно мужские, так и женские, составляют 3–10 %. Боевые поражения в этих случаях затрагивают значительную часть общества. По всей видимости, такие коллективы регулярно втягивались в военные действия в качестве как агрессоров, так и жертв. В эту категорию попадает большинство групп населения раннего железного века. Сюда же можно отнести и

рассматриваемую часть саргатской общности. Третью категорию составляют объединения, в чьих некрополях доля травмированных мужских черепов выше 10 %. Не вызывает сомнения, что все эти мужчины принимали активное участие в военных действиях и имели боевые раны. К данной категории относятся хунну и поздние сарматы.

Археологический контекст

По имеющимся публикациям и полевым отчетам были собраны данные о погребениях всех индивидов, на черепах которых выявлены травматические повреждения. Также были учтены сведения о двух упомянутых выше мужских черепах из могильников Ипкульский и Абрамово-4. Как видно из табл. 3, мужские погребения располагались как в центре подкурганной площадки, так и по периферии, встречаются и бесспорно впускные захоронения [Корякова, 1986; Культура..., 1997; Матвеева, 1994; Могильников, 1976, 1981; Погодин, 1988, 1989; Полосьмак, 1987; Habitats et necropolis..., 2002, p. 27]. Более половины неграбленных погребений (Ипкульский, кург. 1, погр. 3; Карташево-2, кург. 6, погр. 4; Абатский-3, кург. 2, погр. 10) содержало стандартный набор инвентаря, состоявший из меча и/или кинжала, металлических блях, костяных наконечников стрел (реже вместе с костяными накладками лука), удила и сосудов. Представлены также бытовые ножи и мелкие элементы сруби. В могильных ямах расчищены остатки ритуальной пищи – кости лошади. Наиболее достоверно датируются комплексы Притоболья и Пришимья: рубеж эр – первые века нашей эры. Даты большей части рассматриваемых погребений также находятся в пределах данного

Таблица 3. Локальные серии черепных травм

Регион, памятник	Пол, возраст	Характер травматических повреждений	Инвентарь	Примечание	Дата
Исеть, Мурзинский-1, кург. 6, погр. 2, скелет 1	Мужчина, 20–30 лет	Скол поверхностной пластинки	Восемь костяных, бронзовый и железный наконечники стрел, железный нож, стеклянная бусина, бронзовая серьга, керамический сосуд	Периферийное, разграбленное	III–I вв. до н.э.
Исеть, Гаевский-1, кург. 3, погр. 5	Женщина, 40–60 лет	Вдавленное повреждение свода	Более 100 стеклянных бусин и бисер, четыре саргатских сосуда, железный нож, каменная плитка со следами охры, лепное прясло, бронзовые серьги, кости лошади в двух скоплениях	Периферийное, неграбленное	I–III вв. н.э.
Притоболье, Икульский, кург. 1, погр. 3	Мужчина, взрослый	Отверстие ромбической формы; череп прижизненно деформирован	Железный нож, железный меч без навершия с перекрестьем, костяные наконечники стрел, наконечник ремня, железные пряжки округлой формы с подвижным язычком, бронзовые нашивные бляшки, кость лошади, лепной сосуд	Неграбленное, плохой сохранности	Рубеж эр
Пришимье, Абатский-3, кург. 2, погр. 10, скелет 1	Мужчина, 25–40 лет	Вдавленная травма свода мозговой коробки	Железный кинжал, прямоугольная бляха	Кашинское (по Н.П. Матвеевой) коллективное (четыре индивида) захоронение во внешнем яру	III–IV вв. н.э.
То же, скелет 3	Женщина, 25–35 лет	Нижняя челюсть со следами зажившего перелома; череп прижизненно деформирован	Бронзовая цилиндрическая и стеклянная бочковидная бусины, железный нож	То же	III–IV вв. н.э.
Пришимье, Кокуйский-3, кург. 3, погр. 3, скелет 1	Женщина, 30–50 лет	Проникающее ранение	Фрагменты керамики	Центральное (два индивида), разграбленное	Начало железного века
Прииртыше, Карташево-2, кург. 6, погр. 4	Мужчина, 40–60 лет	Вдавленное повреждение свода	Железные меч, нож, удила и псалии, костяные концевые накладки на лук, три керамических сосуда, кости лошади	Центральное, неграбленное	Нет данных*
Прииртыше, Бещул-2, кург. 1, погр. 1	Мужчина, 30–50 лет	Следы пяти ранений	Железный меч или кинжал, колчаный крючок, десять бронзовых и костяных наконечников стрел, костяные панцирные пластины, железные удила, колчаный набор, шлифовальный камень	Центральное, разграбленное	Рубеж эр
Прииртыше, Богдановка-1, кург. Б, центральная могильная яма, скелет 1	Мужчина, 22–25 лет	Проникающее ранение	Упомянется один лепной сосуд	То же**	III–I вв. до н.э.
Прииртыше, Марково-1, кург. 15, погр. 1	Женщина, 25–40 лет	Колотые и вдавленные повреждения черепной коробки	–	»	II–I вв. до н.э.
Прииртыше, Абрамово-4, кург. 22, погр. 5, верхний скелет	Мужчина, взрослый	Множественные проникающие ранения	Бронзовые бляшки, железные стерженьки, прясло, обломок железного кольца, слиток бронзы	Ярусное (два индивида)	Ранний железный век

*Краниологическая коллекция кабинета антропологии ТГУ отнесена к III–II вв. до н.э.

**Ивн. № 1275 краниологической коллекции кабинета антропологии ТГУ соответствует могильнику Богдановка-1 (раскопки В.А. Могильникова 1974 г.), однако кург. Б был раскопан на могильнике Богдановка-2 В.А. Могильниковым в 1976 г.

хронологического диапазона. Отмечаются некая оснащенность полным арсеналом оружия ближнего и дальнего боя, а также деформация головы (Ипкульский, кург. 1, погр. 3), что было свойственно представителям аристократии [Матвеева, 2005, с. 164; Ражев, 2009, с. 156; Шарапова, 2007, с. 60]. Известные синхронные саргатские неграбленные погребения демонстрируют менее «выразительный» ансамбль: кинжал вместо меча (Гаевский-1, кург. 6, погр. 1) [Культура..., 1997, с. 37–38]; отсутствует конская упряжь (Абатский-3, кург. 4, погр. 7; кург. 5, погр. 3) [Матвеева, 1994, с. 77, 82–85]; исключение составляют материалы Сопининского могильника (кург. 2, погр. 9) – меч и нож/кинжал в лаковых ножнах [Среда..., 2009, с. 230]. В разграбленных могилах из инвентаря найдены наконечники стрел, фрагменты клинковых орудий, элементы защитного доспеха, удила, колчаный крючок, точильный камень, серьга и бусина.

В социальном отношении рассмотренная серия довольно однородна. Погребальный инвентарь маркирует статус воина (рис. 4). Возраст этих представителей военно-дружинного слоя, в т.ч. и тех, у кого идентифицированы боевые травмы, не моложе 20 лет. Дан-

ное обстоятельство укладывается в рамки как общих представлений, так и исследований возрастных аспектов саргатской погребальной практики.

Женская выборка малочисленна и менее однородна. На данный момент богатые погребения не обнаружены. С территории Прииртышья известен лишь один череп, на котором выявлены следы боевых ранений. Он происходит из сильно разрушенного грабителями захоронения без сохранившегося инвентаря (Марково-1, кург. 15, погр. 1) [Полосьмак, 1987, Прил., табл. 1, с. 126–127]. Памятник, который, по мнению Н.В. Полосьмак, функционировал более 40–50 лет, датирован ею II–I вв. до н.э. [Там же, с. 88]*. Надежно документированные комплексы происходят с территории Притоболья и Приишимья. Они датированы первыми веками нашей эры. Из известных захоронений почти все боковые (кроме погр. 3 кург. 3 могильника Кокуйский-3). Сопутствующий инвентарь более чем обычен. Наименее обеспеченной инвентарем является погребенная во рву молодая женщина в коллективном (четыре индивида) захоронении могильника Абатский-3 (кург. 2, погр. 10), у которой выявлена бытовая травма. Ее вещевой комплекс составляют железный нож, бронзовая и стеклянная бусины [Матвеева, 1994, с. 135–137]. Столь же скудный набор сопровождал индивида с прижизненно деформированным черепом. Более разнообразный инвентарь происходит из захоронения пожилой женщины на могильнике Гаевский-1 (кург. 3, погр. 5): стеклянные бусы и бисер, бронзовые серьги, железный нож, глиняное пряслице, каменная плитка (рис. 5, 6). Примечательно, что эта погребенная была сопровождена большим количеством ритуальной пищи: зафиксированы два скопления костей лошади, а также следы пищи, содержавшейся в четырех сосудах [Культура..., 1997, с. 18–21]. В разграбленной могильной яме (Кокуйский-3, кург. 3, погр. 3), где были расчищены останки двух индивидов, из сохранившегося инвентаря погребенной взрослой женщины со сквозным отверстием на черепе найдены только фрагменты керамики [Матвеева, 1994, с. 107, рис. 63, 3]. Суммарная характеристика данной выборки выглядит следующим образом: это взрослые женщины, не моложе

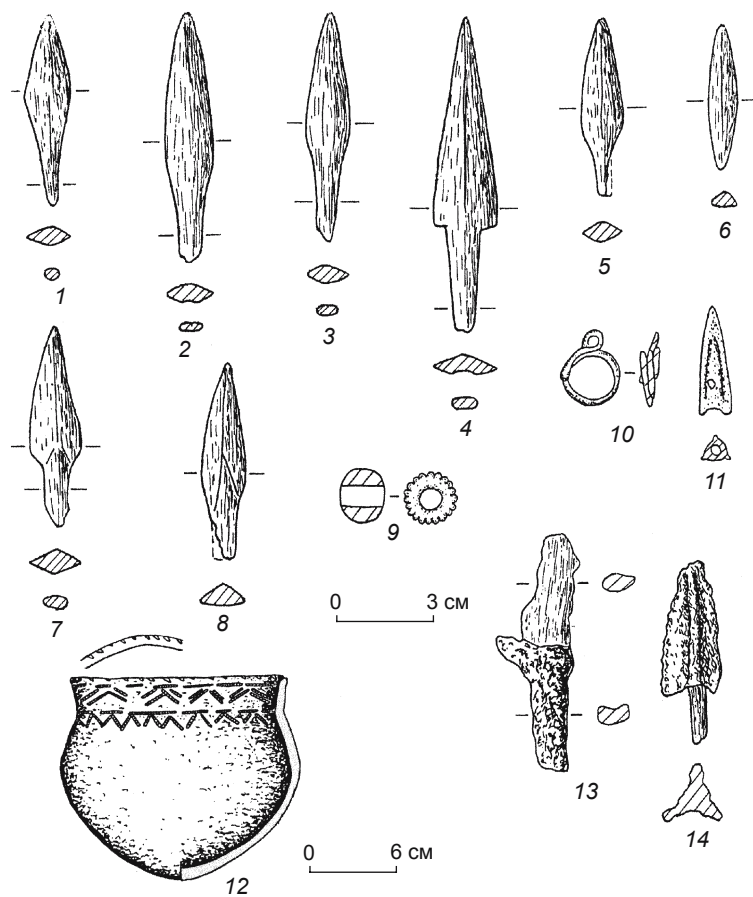

Рис. 4. Инвентарь погр. 2 (скелет 1) кург. 6 могильника Мурзинский-1 (авторская прорисовка по: [Habitats et necropolis..., 2002, fig. 20, 22]). 1–8 – кость; 9 – стекло; 10 – серебро; 11 – бронза; 12 – керамика; 13, 14 – железо.

*Из-за тотальной разграбленности для датировки были использованы комплексы только двух курганов; с учетом доводов автора, приведенных для определения периода функционирования могильника, предложенная дата вполне допустима.

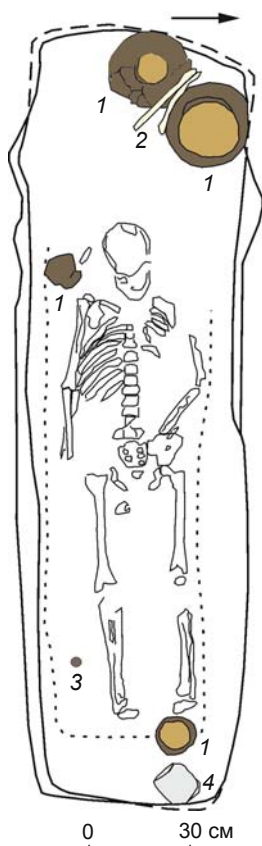

Рис. 5. План погр. 5 кург. 3 (авторская прорисовка по: [Культура..., 1997, рис. 6, 3]) могильника Гаевский-1. 1 – сосуд; 2 – ребра лошади; 3 – прясло; 4 – каменная плитка.

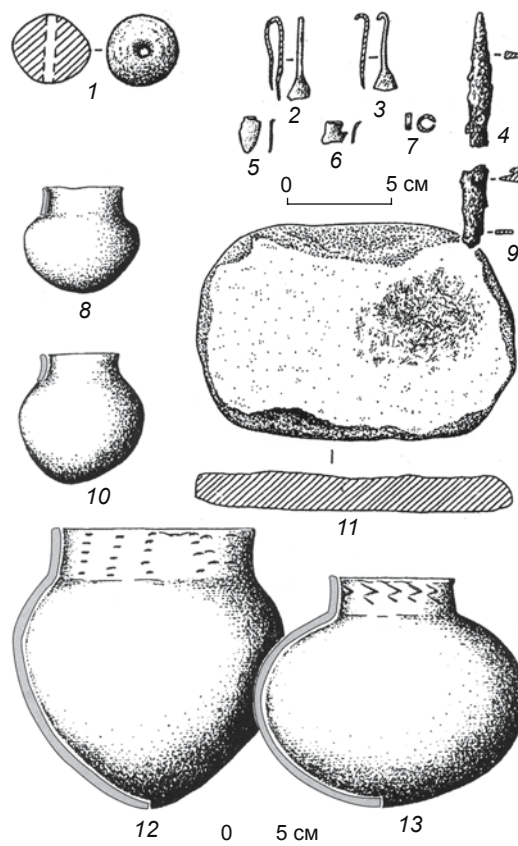

Рис. 6. Инвентарь погр. 5 кург. 3 могильника Гаевский-1 (авторская прорисовка по: [Культура..., 1997, рис. 5, 7]). 1 – глина; 2, 3, 5–7 – бронза; 4, 9 – железо; 8, 10, 12, 13 – керамика; 11 – камень.

25 лет, вещевой комплекс из непо потревоженных погребений составляют украшения. Представляет интерес тот факт, что в могилах, даже тех, где у погребенных диагностированы боевые повреждения черепа, не выявлены предметы вооружения, инвентарь отражает т.н. женский набор [Корякова, 1988, с. 54–58].

Обсуждение

Вероятно, на последние века до нашей эры – первые века нашей эры приходится некий «всплеск» напряженности и конфликтов. Исходя из вышеизложенных фактов, можно констатировать, что в саргатских захоронениях этого времени зафиксировано максимальное количество черепных травм. К последним векам до нашей эры Н.П. Матвеева относит появление прослойки вооруженных, преимущественно молодых мужчин (по численности могил данного типа – ок. 26,6 % всего мужского населения), которые определены как члены военных дружин [2005, с. 165]. В указанный период на саргатской территории зафик-

сирован обычай преднамеренной деформации головы (в рассмотренной выборке на двух черепах помимо травматических поражений имелись следы прижизненной деформации).

Все рассмотренные выше факты позволяют заключить, что военные столкновения были распространены в саргатском мире. Причины таких конфликтов (грабеж скота, пленение женщин и т.п.) весьма разнообразны и заслуживают отдельного исследования. Однако эти столкновения все же не были постоянными. Для сравнения можно привести данные по некоторым позднесарматским могильникам, где отмечается высокий уровень (до 60 %) боевых лицевых травм и повреждений преимущественно на мужских черепах, более половины которых имели выраженную преднамеренную деформацию смешанного типа [Перерва, 2002, с. 141, табл. 1]. Локализация ряда повреждений позволила предположить, что противники при нанесении травм находились лицом к лицу [Там же, с. 147]. Выявленные в саргатских материалах два черепа со следами множественных ранений наглядно демонстрируют широко известные случаи посмерт-

ного разрушения останков, реализуемого в виде повторяющихся атак на труп. С точки зрения актуальной ныне концепции культурной идентичности групповая/культурная принадлежность древнего населения могла иметь и крайне агрессивную форму выражения, вплоть до дегуманизации противника [Walker, 2001]. Альтернативный вариант – ритуальный характер подобных травм черепа [Медникова, 2004]. Такие встречались в Улангомском могильнике, у носителей пазырыкской культуры и у населения Тувы раннего железного века [Наран, Тумэн, 1997; Поздняков, 2004; Schultz et al., 2010]. Тем не менее на почти тысячелетнюю историю саргатской общности приходится всего девять (с учетом архивных данных 11) черепов со следами повреждений, из них, как уже отмечалось, только пять (с учетом архивных данных семь) имеют поражения, нанесенные предметами вооружения, среди которых выделяются стрелы и клинковое оружие, имевшие довольно широкое распространение в саргатском мире. Однако ранения, полученные с применением оружия, не всегда следует связывать исключительно с военными столкновениями. Образ жизни носителей скотоводческих культур, их идеология и психология, физическая активность, обусловленная также и способом ведения хозяйства, – источник повышенного травматизма. В этом же ключе, вероятно, следует рассматривать все известные интерпретации саргатских женских погребений с оружием, доля которых невелика (от 5,6 до 18 %) [Берсенева, 2011, с. 74; Корякова, 1988, с. 56]. Травм, отнесенных к разряду боевых поражений, в рассмотренной выборке всего две. Выше мы уже неоднократно отмечали определенное своеобразие саргатских древностей, которое могло распространяться и на социальные отношения. В этой связи любые интерпретации женских захоронений, в т.ч. и с оружием, будут состоятельны при условии строгого соответствия предлагаемых гипотез археологическому источнику.

Признавая тот факт, что курганная выборка не может адекватно отражать демографическую ситуацию саргатской популяции, за дополнительными аргументами следует обратиться к материалам раскопок поселений, где не зафиксированы сколько-нибудь заметные следы пожарищ и опустошительных вторжений. Справедливо считается, что в раннем железном веке на Урале вооруженные конфликты происходили главным образом между соседними общинами [Борзунов, Новиченков, 1988], так что боевые действия велись преимущественно силами небольших отрядов. Соответственно, фортификации возводились прежде всего для противостояния нападением таких отрядов – «для ведения войны большими силами зауральские “городки” с их миниатюрными, по меркам эпохи, рвами, невысокими стенами и малой площадью были просто не приспособлены» [Среда..., 2009, с. 255].

Из всего сказанного следует, что саргатское общество в том варианте, в котором оно реконструируется по археологическим и антропологическим материалам, было стратифицировано и включало группы «избранных», занимавшихся разведением скота и много времени проводивших в седле. Тем не менее облик материальной атрибутики, представленной в первую очередь различными видами оружия и конской сбруей, далеко не всегда свидетельствует о высокой вовлеченности этой части общества в реальные военные действия*. Во всяком случае, очевидно, что наблюдаемое «изобилие» предметов вооружения в саргатских погребениях прежде всего маркирует статус, который мог определяться и существовавшими в саргатском обществе гендерными стереотипами [Sharapova, Razhev, 2010], предполагавшими, вероятно, главенство мужчин как в реальной жизни, так и в ритуальной сфере. Примечательно, что внешнее сходство некоторых археологических проявлений, в частности в способах выражения статусных различий, характерно для большей части элиты раннего железного века Евразии [Wells, 2006]. Аналогичные примеры есть и в этнографии: во всех кочевых обществах клинковое оружие и особенно защитное вооружение были достоянием лишь аристократии и ее окружения [Першиц, 1994, с. 154–161]. В саргатских курганах предметы роскоши встречаются как в мужских, так и в женских могилах. Что касается предметов вооружения, в качестве примера можно сослаться на немногочисленные неграбленные погребения (могильники Сидоровка-1, Исаковка-1), в которых наряду с беспрецедентным по богатству инвентарем импортного происхождения представлены практически все виды оружия, эти захоронения определены как мужские [Магющенко, Татаурова, 1997; Погодин, 1989]. Изучение травм саргатского населения показало, что часть из них боевые. Таким образом, рассматриваемое сообщество, вероятно, втягивалось в различного рода конфликты, в т.ч. и с применением оружия, причем в качестве как агрессора, так и жертвы.

Выводы

Проведенное исследование показало принципиальную возможность применения биоархеологического анализа травм черепа для характеристики социальной структуры саргатского общества. Вытекающая из этого подхода необходимость объединения методов естественных и гуманитарных наук приводит к обязательной междисциплинарности такого рода исследований, перспективность которых очевидна. Сопо-

*Хорошо известно, что вещи в погребальном обряде помимо утилитарных функций имеют и особое ритуальное назначение.

ставление результатов антропологического анализа и контекстуализации элементов материальной культуры может дополнить существующие социальные реконструкции, поскольку гипотетические построения основаны не на принципе отсутствия/наличия признака в статистической выборке, а на данных о физическом состоянии изучаемых индивидов (стрессы, нагрузки, возраст, состояние здоровья и т.д.).

Предпринятое впервые изучение свидетельств боевого травматизма в масштабе всей общности позволяет сделать следующие выводы. Факт нахождения предметов вооружения в саргатских захоронениях отражает не столько воинственность элитарного слоя обитателей лесостепи Зауралья и Западной Сибири раннего железного века, как считалось ранее, сколько статус погребенных индивидов. Нельзя отрицать, что военные действия были распространены в саргатском мире, но все же повсеместное наличие оружия у представителей мужской части элиты имело в немалой степени знаковый характер, отражающий доминирующее положение его обладателей в социальной и гендерной структуре общества. Подобная форма выражения престижно-знаковой символики, очевидно, имела и прагматические корни (вовлеченность в реальные столкновения с применением оружия), однако, судя по скромным показателям боевого травматизма, интенсивность военной деятельности в саргатской общности была невелика, по всей видимости, в десять раз ниже, чем у поздних сарматов и хунну.

Благодарности

Материалы курганных могильников Гаевский-1 и Мурзинский-1 были получены в рамках совместного российско-французского проекта «Поселения и могильники раннего железного века на Евразийском перекрестке», неизменными руководителями которого были профессор Л.Н. Корякова и доктор М.-И. Дэйр. Мы чувствовали себя одной командой, а совместная работа с французскими коллегами открыла не только новое видение в изучении древнего населения, но и перспективы последующих исследований.

Список литературы

Батиева Е.Ф. Антропологические материалы из скифских погребений Беглицкого некрополя // Античная цивилизация и варварский мир. – Краснодар: Крайбикколлектор, 2002. – С. 37–46.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1. – С. 72–79.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 88–103. – (Вопр. археологии Урала; вып. 19).

Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – 320 с.

Геродот. История в девяти книгах. – М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. – 640 с.

Корякова Л.Н. Отчет о раскопках Ипкульского могильника в 1986 году // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф. II. Д. 352.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: саргатская культура. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 240 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование) / В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова, П.А. Косинцев, П. Курто, Г.И. Махонина, Д.И. Ражев, Ж.-П. Потро, С.В. Шарапова. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с.

Мамонова Н.Н. Боевые травмы на черепках из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // РА. – 1997. – № 4. – С. 108–121.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матвеева Н.П. Материалы к палеодемографической характеристике саргатской общности // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 87–97.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, 2000. – 398 с.

Матвеева Н.П. Милитаризация общества // Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 145–166.

Матюшенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 197 с.

Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетейя, 2004. – 208 с.

Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-сибирской экспедиции в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6659.

Могильников В.А. Отчет об археологических исследованиях курганов у с. Карташово в зоне мелиоративного строительства колхоза «Заветы Ленина» Муромцевского района Омской области в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10072.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–311. – (Археология СССР).

Наран Б., Тумэн Д. Травматические повреждения на черепках Чандманьского могильника // РА. – 1997. – № 4. – С. 122–129.

Овидий. Скорбные элегии // Собр. соч.: в 2 т. – СПб.: Студия Биография, 1994. – Т. 1. – С. 231–336.

Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксяя // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – 2002. – Вып. 1/2. – С. 141–151.

Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – Т. 2, ч. 3. – С. 129–231.

- Погодин Л.И.** Отчет об археологических раскопках курганов у д. Бещаул Нижнеомского района Омской области 1988 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 13209–13212.
- Погодин Л.И.** Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13932–13934.
- Погодин Л.И.** К характеристике военной структуры саргатской общности // IV исторические чтения памяти М.П. Грязнова: (мат-лы науч. конф.). – Омск: Ом. гос. ун-т, 1997. – С. 116–121.
- Погодин Л.И.** Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1998. – 84 с.
- Поздняков Д.В.** К вопросу о травматических повреждениях у населения пазырыкской культуры // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – 2004. – № 3. – С. 133–141.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Ражев Д.И.** Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 251–258.
- Ражев Д.И.** Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.
- Ражев Д.И., Ковригин А.А., Курто П.** Насильственные травмы на черепах из могильников саргатской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: тез. докл. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 137–139.
- Рохлин Д.Г.** Болезни древних людей. – М.: Наука, 1965. – 302 с.
- Рыкун М.П.** Материалы по краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (Каменная культура) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 78–86.
- Рыкун М.П.** Специфика повреждений черепов из некрополей Каменной культуры // Вестн. антропологии. – 2007. – Вып. 15, ч. 2. – С. 349–357.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова. – Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2009. – 298 с.**
- Шарапова С.В.** Символика престижа в саргатской культуре: на примере феномена кольцевой деформации черепа // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2007. – С. 57–69.
- Шпакова Е.Г.** Краниологические особенности мужских серий могильного комплекса Быстровка и их статистический анализ // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та. – 2001. – С. 176–183.
- Шпакова Е.Г., Бородовский А.П.** Факты искусственного повреждения черепов из Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа (по материалам памятников Быстровка-2, 3) // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 684–692.
- Berseneva N.** Women and children in the Sargat culture // Are all warriors male? Gender roles on the ancient Eurasian Steppe / eds. K.M. Linduff, K.S. Rubinson. – Walnut Creek: AltaMira Press, 2008. – Ch. 7. – P. 131–151.
- Chamberlain A.T.** Demography in Archaeology. – N.Y.: Cambridge University Press, 2006. – 235 p.
- Gender and the Archaeology of Death / eds. B. Arnold, N. Wicker. – Walnut Creek: AltaMira Press, 2001. – 203 p.**
- Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie: les fouilles de 1993 à 1997 / M.-Y. Daire, L. Koryakova, V. Buldashov, P. Courtaud, A. Epimajov, E. Gonzalez, A. Kovrigin, P. Kosintsev, L. Langouet, G. Makhonina, D. Marguerie, J.-P. Pautreau, D. Rajev, S. Sharapova, M.-C. Uge. – P.: Diffusion de Brocard, 2002. – 291 p.**
- Hanks B.** Reconsidering warfare, status, and gender in the Eurasian Steppe Iron Age // Are all warriors male? Gender roles on the ancient Eurasian Steppe / eds. K.M. Linduff, K.S. Rubinson. – Walnut Creek: AltaMira Press, 2008. – Ch. 1. – P. 15–34.
- Hollimon S.E.** Sex and gender in bioarchaeological research // Social Bioarchaeology. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. – Ch. 6. – P. 149–182.
- Jiménez-Brobeil S.A., Souich Ph.Du, Oumaoui I.A.I.** Possible relationship of cranial traumatic injuries with violence in the South-East Iberian Peninsula from Neolithic to the Bronze Age // Am. J. of Physical Anthropology. – 2009. – N 140. – P. 465–475.
- Jurmain R.D.** Paleoepidemiology of trauma in a prehistoric Central California population // Human Paleopathology: Current Syntheses and Future Options: Zagreb Paleopathology Symposium. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1991. – P. 241–248.
- Larsen C.S.** Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 462 p.
- Schultz M., Pozdnjakov D.V., Čikiševa T.A., Schmidt-Schultz T.H.** Die paläopathologischen Untersuchungen – Erste Auswertung einer bio-archäologischen Analyse // Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 2010. – S. 296–302.
- Sharapova S.V., Razhev D.I.** Cranial traumas and social power among Iron Age forest-steppe populations in the Trans-Urals and Western Siberia // EAA 16th Annual Meeting abstracts book. – The Hague: Leiden University, 2010. – P. 50.
- Walker P.L.** A bioarchaeological perspective on the history of violence // Annual Review of Anthropology. – 2001. – N 30. – P. 573–596.
- Wells P.S.** Mobility, art, and identity in early Iron Age Europe and Asia // The Golden Deer of Eurasia: Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. – N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 2006. – Ch. 3. – P. 18–23.
- Zuckerman M.K., Armelagos G.J.** The origins of bio-cultural dimensions in bioarchaeology // Social Bioarchaeology. – Oxford: Wiley – Blackwell, 2011. – Ch. 2. – P. 15–43.

*Материал поступил в редколлегию 17.11.11 г.,
в окончательном варианте – 12.01.12 г.*